

Он был богат, но глуп, и, без памяти влюбившись в начинающую актрису, вывернул ради неё все карманы. А стоило его звёздной подружке добиться славы и стать кинодивой, как она тут же, перешагнув через него, бросила своего спонсора. При расставании она пролила море слёз и произнесла целую тираду, всех слов которой он уже не помнил, но одна фраза врезалась в память: Моя жизнь принадлежит искусству, моё сердце — всем моим поклонникам, и мне искренне жаль, что я не могу принадлежать лишь тебе одному. Прости, но я не в силах ответить на твои чувства.

Кинодивы — они такие. Вроде бы говорила по-китайски, но Цзинь Шиань не понял ни слова. Не отвечаешь на чувства — ладно, но ты деньги-то вернула?

Мало того, что не вернула, она на деньги, машины и недвижимость, подаренные господином Цзинем, рванула в Шанхай и открыла там собственную студию. А главное — тут же завела себе нового бойфренда из той же актёрской тусовки.

Оставшись и без денег, и без любви, да ещё и с рогами, которые, казалось, прорастали всё выше, Цзинь Шиань был вне себя от ярости. Он не находил себе места, то и дело устраивая скандалы бывшей, то заливая горе алкоголем.

Все вокруг считали, что у богачей не бывает проблем, но лишь сами богачи знали, что это не так. Разве бедняку понять боль человека, которого кинули на двести миллионов? Цзинь Шиань твердил, что деньги — ерунда, главное — она растоптала его чувства!

Звучало это до того по-киношному, что слушатели только посмеивались.

А что тут смешного? Я ведь от чистого сердца! Деньги богатого — тоже деньги, любовь богатого — тоже любовь. Почему никто не хочет этого понять? Любовь же не становится менее ценной от того, что у тебя много денег. Что за мир, чёрт возьми?

В тот период никто не решался пить с ним, кроме одного мелкого актёра по имени Бай Ян. Его бывший парень был нынешним любовником бывшей девушки Цзиня. Короче говоря, та парочка предателей сошлась, а их обоих вышвырнула на улицу. Цзинь Шиань не был геем, но и предубеждений против них не имел. Две жертвы измены, они нашли общий язык и пили, становясь всё ближе друг другу.

Цзинь Шиань до сих пор помнил, как в три часа ночи они устроили пьяный дебош в его особняке на горе Цзыцзинь. Господин Цзинь взывал к небесам, изрыгая афоризмы: Каким же я был идиотом! Сколько денег я вбухал, чтобы раскрутить эту Цинь Нун! А как стала звездой, так хвост задрала до небес, начала шашни с женоподобными мальчиками крутить. Увидит порнушку — и готова раздеться ради прослушивания. Разве не дрянь? Скажи, разве не дрянь?

Если бы не я, кто бы дал ей эту награду?

Я что, похож на Джека Ма? Во всём мире нет никого богаче меня, кто был бы красивее, и

никого красивее меня, кто был бы богаче! У этой Цинь Нун глаза на заднице!

Маленький актёр, сопровождавший его с пяти вечера, был уже на пределе, но, услышав это бесстыдное самовосхваление, не выдержал и прыснул со смеху.

Господин Цзинь вытаращил на него глаза.

Актёришка испугался, замолк и попятился: Господин Цзинь, почему вы так на меня смотрите?

А как мне на тебя смотреть?

Настроение у господина Цзиня было испорчено окончательно. Раз уж ты присосался к кормушке, соблюдай профессиональную этику: когда босс хвастается, ты должен внимать, а не ржать, как конь! Ты что, напроситься хочешь?

Что было дальше — отдельная история. В памяти Цзинь Шианя всё смешалось в кашу. Кажется, он хотел припугнуть Бай Яна и пригрозил, что затащит его в постель.

Клянусь, это была лишь угроза, пьяный бред! Он, натурал до мозга костей, максимум мог позволить себе подшутить, но уж точно не собирался переходить к делу.

Беда в том, что он-то не принял это всерьёз, а вот актёр — вполне. Лицо того побелело от ужаса: Цзинь Шиань, ты вообще человек? Я считал тебя другом, а ты... ты хочешь меня?!

Цзинь Шиань перестал злиться. Его позабавило, как этот парень ломается, словно ценою своей чести. Он подлил масла в огонь и взревел: Да я сегодня же тебя уложу! От того, что я тебя поимею, кусок не отвалится!

Один с голым торсом, другой, прикрывая штаны, они начали бороться прямо на балконе второго этажа. Поскольку господин Цзинь часто устраивал пьяные выходки, дворецкий и прислуга предпочли не вмешиваться.

И тут случилось непредвиденное. В пылу борьбы Цзинь Шианя будто подхватила невидимая сила и вышвырнула с балкона прямо в бассейн.

А потом — тишина.

— Это не могло быть человеческой силой, — думал позже Цзинь Шиань. — Будто что-то с огромной мощью отшвырнуло меня. Бай Ян был тощим, у него не хватило бы духу.

Впрочем, не это важно. Важно то, что этот измождённый паренёк, Бай-младший, ну просто

вылитый Бай Ян! Черты лица, фигура — будто один и тот же человек. Если бы Бай Лушэн был чуть плотнее и здоровее, их было бы не отличить!

Учитывая, что он сам попал в другое тело, Цзинь Шиань решил, что Бай Ян, скорее всего, переместился вместе с ним. Только вот ему, Цзиню, повезло — он стал молодым господином, а этот бедолага — актёром. Судя по его жалкому виду, досталось ему немало.

Так тебе и надо, злорадно подумал Цзинь Шиань. Не хотел продаваться — теперь пожинаешь плоды. Но ничего, раз уж мы оба здесь, придётся мне тебя спасать. Сюжеты прочитанных когда-то романов всплывали в голове, а тело действовало быстрее мысли. Он рванулся вперёд и закричал: Не смей! Его нельзя уводить!

Все во дворе остолбенели. Цзинь Чжунмин тоже удивлённо обернулся.

Эффектное появление господина Цзиня продлилось не дольше секунды: ослабленный болезнью, он скатился по ступеням, но, даже валяясь на земле, не забыл вцепиться в Бай Лушэна: Дедушка, ты что-то напутал? Ты хочешь его убить?

Чжоу Юй был готов разрыдаться. Он и не чаял, что молодой господин вступится за Бай-младшего, но в критический момент проявилась истинная преданность!

Цзинь Чжунмин, ожидавший подобного, не моргнув глазом, подошёл к внуку: Ань-эр, я знаю, что ты мягкосердечен и всегда поступаешь по-своему. Но как оставить Бай Лушэна? Как ты к нему относишься? А как он — к тебе? Всё, что у него есть, — от тебя, а он, не раздумывая, полоснул тебя ножом. И ты хочешь спасти этого негодяя?

Дед говорил, но Цзинь Шиань не слышал ни слова. Он смотрел на Лушэна, и тот казался ему всё более похожим на друга. Ещё минуту назад он злорадствовал, а теперь сердце сжалось от жалости. Он потряс Лушэна, тот вяло поднял голову и посмотрел на него с обидой и мольбой, а затем, роняя слёзы, попытался оттолкнуть его, словно прося не вмешиваться.

Вид у него был такой несчастный и упрямый, словно у брошенного под дождём щенка, что Цзинь Шиань не выдержал.

Он поднял голову: Я не спасаю его, дедушка. Ты хочешь его убить, потому что он ранил меня, верно?

Цзинь Чжунмин прищурился: Что, теперь ты скажешь, что это не так?

— ... — А что ещё сказать? Фантазия на ходу не работала.

Цзинь Шиань, успевший краем уха услышать суть дела, отчаянно пытался спасти своего единственного союзника: Да! Разве дядя Чжоу не сказал? Это не он меня пырнул, я сам себя

поранил!

Цзинь Чжунмин: ...Повтори ещё раз?!

Господин Цзинь решительно повторил: Я сам!

— ...Почему?

— Просто так. Играл с ножницами и... случайно себя ткнул.

Ложь была настолько нелепой, что все присутствующие — и свои, и чужие — уставились на него как на слабоумного. В глазах некоторых читалось сочувствие: молодой господин совсем плох, даже врать разучился! Мы понимаем, что ты хочешь его спасти, но не надо же так откровенно оскорблять интеллект старика!

Цзинь Шиань смутился и попытался исправиться: Ну, на самом деле... мы тогда поссорились... он хотел покончить с собой, я пытался помешать, и в суматохе сам напоролся на нож. Вот и лежал несколько дней, отдыхал... как-то так.

Как же обидно! Надо было внимательнее слушать Чжоу Юя, а не трепаться с той девчонкой! Теперь приходится лепить из того, что было.

Цзинь Чжунмин молчал, глядя на него со сложным выражением лица.

Цзинь Шиань трусил, но желание спасти человека придавало смелости. Он умоляюще посмотрел на деда: Клянусь, это чистая правда!

Цзинь Чжунмин: ...

Все вокруг замерли в замешательстве. То, что молодой господин вступится за него, было ожидаемо, но делал он это так нелепо и так отчаянно, что возникало ощущение — что-то здесь не так. Все осознали странный парадокс: если он действительно сошёл с ума, то не стал бы так рисковать ради Бай Лушэна, а если притворяется — то, зная его изворотливость, не выбрал бы такой глупый способ.

Воцарилась гробовая, неловкая тишина.

Ци Суньи внезапно подошёл и что-то прошептал на ухо Цзинь Чжунмину.

Старик повернулся и посмотрел на внука таким странным, глубоким взглядом, в котором смешались боль, жалость, упрёк и... что-то похожее на попытку прощупать почву.

Словно он о чём-то догадывался или хотел задать вопрос.

Цзинь Шиань не понял, что это значит, и лишь испуганно смотрел в ответ, подсознательно сжимая руку Лушэна.

Цзинь Чжунмин долго размышлял, а потом негромко бросил: Иди за мной.

Цзинь Шиань не отпускал руку Лушэна. Цзинь Чжунмин, махнув рукой, проворчал: Делай что хочешь! Иди за мной!

Дед и внук скрылись в кабинете, а во дворе все продолжали переглядываться.

Цзинь Шиань сел в кресло, но глаз не сводил с двери, боясь, что союзника утащат. Цзинь Чжунмин мерил комнату шагами, сделал кругов десять и приглушённо спросил: Это всё из-за моих дел, да?

Цзинь Шиань застыл: Э?

Цзинь Чжунмин взглянул в окно и раздражённо произнёс: Здесь никого нет, скажи мне правду: ты болен по-настоящему или притворяешься? Если ты притворяешься ради меня, я оставлю этого Бай в покое. Я твой родной дед, неужели между нами должна быть стена?

Господин Цзинь почувствовал ловушку. Он молчал.

Цзинь Чжунмин подождал, но, поняв, что ответа не дожждётся, тяжело вздохнул. Он сел рядом и начал теревить в руках нефритовую фигурку льва.

Ты знаешь, что о тебе говорят? Содержишь актёра, в таком возрасте не женат — разве это прилично? Раньше я смотрел на это сквозь пальцы, но сейчас вижу: чем дальше, тем он наглее. Оставь его — жди беды. Ань-эр, тебе за тридцать, кроме тебя, некому вести дела семьи. Вчера Чжу Цзысуй сказал мне, что члены торговой палаты за твоей спиной обсуждали, что ты болен и тебе нужен покой, и предлагали тебе уйти с поста председателя. Ты ведь знал об этом, верно?

Цзинь Шиань мысленно поморщился: я понятия об этом не имел, да и если бы знал — всё равно ничего бы не сделал.

Ситуация была ясна: молодой господин обладал огромной властью, но за спиной плелись интриги. Лезть в это сейчас — всё равно что прыгать в омут с головой. Новичку не стоит сразу браться за самые сложные задачи.

Принцип использовать сильные стороны и избегать слабых Цзинь Шиань усвоил давно. Правда,

сейчас у него были одни слабые стороны, а сильные он ещё не успел осознать. Как бизнесмен, он знал: для входа в игру нужны два ресурса — рынок и связи. Без них всё станет только хуже.

Этот пост председателя торговой палаты — горячая картофелина, ему и даром не нужен.

Цзинь Чжунмин, видя, что внук сидит с опущенной головой и глуповатым видом, тяжело вздохнул: Это я был неправ. Ты болен, правда болен, откуда тебе знать...

— ...Значит, дедушка, ты разрешил? — господин Цзинь хотел вернуться к главному.

Цзинь Чжунмин помрачнел: Ты твёрдо решил его оставить.

Верно, подумал Цзинь Шиань. Пусть мы говорим о разном, но это именно то, чего я хочу. Если этот мир — роман о попаданце, то мне плевать на статус председателя или молодого господина. Он не какой-то неудачник, у него были миллиарды, что значит какой-то пост?

Если придётся выбирать между властью и другом, в этом странном старом мире он выберет верного друга. По крайней мере, они вместе прошли через смерть.

Цзинь Чжунмин помолчал: Раз так, не возвращайся домой. Пусть здесь не так далеко, но лечиться лучше здесь, подальше от лишних глаз. Если что-то понадобится, я пришлю Ци Суньи.

Цзинь Шиань удивился: странно, ведь дом господина вряд ли хуже дома актёра. Но раз дед так сказал, значит, на то есть причины.

Это лучший вариант. Он только привык к этому маленькому дворику и даже успел к нему привязаться. Раньше он жаловался, что живёт на чужбине, но теперь всё иначе — это дом его союзника!

Он был так взволнован, что слова благодарности показались ему слишком фальшивыми, и он просто крепко обнял деда.

Цзинь Чжунмин оцепенел: Что ты делаешь? В твои годы — и такие детские выходки! — а затем добавил: Смотрю, на раны тебе плевать, а как услышал, что я отпускаю этого Бай, так сияешь!

Дед, ты что, ревнуешь? Цзинь Шиань едва не рассмеялся, вспомнив коленопреклонённого Чжоу Юя, и добавил: И ещё... не наказывайте слуг, они со мной хорошо обращаются.

Я и не собирался их бить, — многозначительно взглянул на него Цзинь Чжунмин. — Беда и счастье ходят рядом. Может, этот Бай Лушэн и есть твоя удача. Лечись спокойно, не провожай.

Сказав это, он ушёл.

Цзинь Шиань долго стоял в недоумении. Сначала твердил, что от Бай Лушэна одни беды, а под конец назвал его удачей. Учитель литературы поставил бы за это сочинение двойку за отсутствие логики. Но разбираться было некогда.

Дедушка, ты большой человек, вот и разгребай проблемы, а твой внук пока хочет просто отсидеться и выжить.

После пережитого потрясения силы иссякли. Проводив взглядом Цзинь Чжунмина, он рухнул на кровать.

Слуги засуетились, подавая воду и обмахивая его веерами. Цзинь Шиань вздохнул с облегчением: Всё хорошо, я просто устал.

Спасти всех — это уже великая победа.

4| Дайюй

Цзинь Шианю приснился длинный сон.

Будто он вернулся в 2012 год, в свою компанию, идёт по офису. Заходит его заместитель и начинает говорить с ним, причём так вежливо, что это кажется странным — ведь она была его старшей коллегой по вузу и никогда не была столь обходительна.

Заместитель говорит: На самом деле, можно открыть новое агентство. Можно переманить людей из Синьянь, Фэнхуан, Динсинь, о которых мы говорили, только расходы будут выше.

Цзинь Шиань в недоумении: зачем открывать дочернюю компанию? Но во сне он не властен над собой и отвечает: Я смотрел финансовые отчёты за прошлые годы, у нас в холдинге есть развлекательное агентство, почему мы его не используем?

Они продолжали говорить, но он словно был марионеткой. Всё вокруг было знакомым, но слова, слетавшие с его уст, — чужими. Он непроизвольно взял телефон и, словно делая это впервые, отправил сообщение от руки, традиционными иероглифами:

— Осенний свет так ярок, не найдёте ли вы времени заглянуть ко мне?

Он никогда в жизни не писал традиционными иероглифами.

Это было ужасно, безнадёжно, а хуже всего то, что все вокруг относились к нему с таким

почтением, что никто не замечал подвоха.

Цзинь Шиань хотел крикнуть: вы что, не видите, что со мной что-то не так? Это не я!

Он в панике звал отца и мать, но вспомнил, что отец уехал в Шанхай с любовницей и они не виделись три года, а мать в Пекине и звонит только на Новый год. Его семья давно распалась. Он думал, что у него есть друзья, но оказалось, что это лишь деловые связи, основанные на деньгах. Замени одного на другого — ничего не изменится.

Впервые за двадцать семь лет он осознал это с такой остротой, что слёзы сами покатились из глаз. Он попытался их сдержать, как учил отец — мужчины не плачут, — и от этого напряжения проснулся.

Цзинь Шиань сел, провёл рукой по лицу и понял, что оно мокрое от слёз.

Какой мерзкий сон. Реалистичный и унижительный. Уж лучше бы приснилась Фань Бинбин — всё равно всё неправда, зато приятнее, чем фильм ужасов.

Цзинь Шиань всегда старался смотреть на вещи проще: если на душе тошно, вытер слёзы — и забыл. Он потянулся, размял ноги и порадовался, что снова чувствует своё тело. Лишь бы этот кошмар с параличом больше не повторялся.

Спал он без задних ног, и когда очнулся, луна уже светила в окно. Чжоу Юй с группой слуг ждали у двери и, увидев, что он проснулся, бросились благодарить его за то, что сегодня никого не выпороли.

Они знали нрав старого господина: если он в ярости, кто-то обязательно должен пострадать. Если не вышло наказать одного, он переключится на другого, но без наказания не уйдёт. Раз Бай Лушэну досталось, значит, досталось бы слугам.

Среди них была и та двенадцатилетняя девчонка, которая сопровождала господина Цзиня. Она глупо улыбалась: Спасибо, молодой господин!

Цзинь Шиань рассмеялся: Ну что, толстушка, ты тоже здесь?

Девочка облизнулась: Меня зовут Шаньху.

Видя, что молодой господин в духе, все заулыбались, принесли чаю и еды. Одна женщина лет сорока, Лю-тётушка, благодарила так искренне, что чуть не разрыдалась и не бросилась в ноги.

Цзинь Шиань поспешил её поднять: Не надо, не надо. Вы кто?

Чжоу Юй пояснил: Это тётушка Лю, Лю Янь, она с кухни. Пришла вместе с Бай-младшим из труппы Чуньхуа. Она присматривает за остальными слугами, если что нужно — зовите её или меня, одно и то же.

Тётушка Лю вытерла слёзы: Молодой господин, вы простили нам старые обиды и сохранили жизнь нашему господину. Я буду служить вам верой и правдой до конца своих дней.

<http://bllate.org/book/19790/1950110>